
Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука

© 2021 г. А.В. Павлов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4; Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

*E-mail: apavlov@hse.ru;
ale-pavlov@yandex.ru*

Поступила 24.03.2021

Статья посвящена проблеме утопии в новейшем марксизме. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс противопоставляли свой «научный социализм» «утопическому социализму». Последователи Маркса долгое время придерживались ортодоксального учения. Однако уже с середины XX в. западные марксисты начинают рассуждать об утопии как о центральном элементе своей социальной философии. Социолог Элвин Голднер назвал это «аномалиями», которые выделились в отдельную систему критического марксизма из теоретической системы научного марксизма. Первым, кто стал писать об утопии, был Эрнст Блох. Затем к теме обратился Герберт Маркузе. С начала 1990-х гг., когда, казалось бы, марксизм находился в кризисе из-за распада Советского Союза и провала левой политики, на тему утопии начинают активно философствовать. Кроме философов (Фредрик Джеймисон, Славой Жижек) об утопии начинают писать социологи (Эрик Олин Райт, Дэвид Харви). Этот тренд в новейшем марксизме социолог Йоран Терборн назвал «американским футуризмом». Автор статьи отмечает, что левые социологи и философы отказываются от традиционного понимания утопии («готового плана») и мыслят ее по-новому. Социологи стараются рассуждать об утопии в категориях науки («реальные утопии»), в то время как философы представляют утопию как надежду, горизонт невозможного, стремление к лучшему будущему. Несмотря на то что это два разных понимания утопии, важно одно – для современных марксистов (даже «научных») утопия является одной из важнейших категорий социальной теории.

Ключевые слова: практическая философия, марксизм, утопия, социология, утопистика, аналитический марксизм, социальное пространство.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-25-36

Цитирование: Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36.

Utopia in the Recent Western Marxism: Anomaly, Hope, Science

© 2021 Alexander V. Pavlov

*National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

*E-mail: apavlov@hse.ru;
ale-pavlov@yandex.ru*

Received 24.03.2021

The article investigates the problem of utopia in actual Marxism. It is well known that Marx and Engels opposed their “scientific socialism” to “utopian socialism”. The followers of Marx have long supported this orthodox teaching. However, since the middle of the 20th century, Western Marxists have begun to talk about utopia as the central element of their social philosophy. Sociologist Alvin Goldner called these “anomalies”. They stood out as a separate system of critical Marxism from the theoretical system of “scientific Marxism”. The first person to write about utopia was Ernst Bloch. Then Herbert Marcuse turned to the subject. Since the early 1990’s, when it would seem that Marxism was in crisis due to the collapse of the Soviet Union and the failure of left-wing politics, it has been actively theorized about utopia. In addition to philosophers (Fredric Jameson, Slavoj Žižek) various types of sociologists (Erik Olin Wright, David Harvey) begin to write about utopia. The sociologist Göran Therborn called this trend in actual Marxism “American futurism”. The author of the paper writes that left-wing sociologists and philosophers abandon the traditional understanding of utopia (“blueprint”) and think it through in a new way. Sociologists try to talk about utopia in terms of science (“real utopias”), while philosophers theorize utopia as a hope, a horizon of the impossible, a desire for a better future. Despite the fact that these are two different understandings of utopia, the important thing is that for recent Marxists (even “scientific” ones), utopia is one of the most important categories of social theory.

Keywords: practical philosophy, Marxism, utopia, sociology, Utopistics, analytical Marxism, social space.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-25-36

Citation: Pavlov, Alexander V. (2021) “Utopia in the Recent Western Marxism: Anomaly, Hope, Science”, *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2021), pp. 25–36.

Одним из насущных вопросов социальной философии сегодня является проблема прояснения ее отношений с марксизмом. Марксизм и как политическую философию, и как методологию используют множество социальных теоретиков. Социолог Йоран Терборн не так давно предпринял попытку обзора новейшей радикальной теории, предложив название «постмарксизм», и включил в это множество не только тех, кто отождествляет себя с постмарксистским направлением социальной теории (Муфф, Лакло), но и многих (бывших) марксистов [Терборн 2021]. Можно пойти вслед за Терборном и сделать следующий шаг в попытке описания марксистской социальной теории, а именно проверить, насколько нынешние авторы сохраняют верность тем темам и проблемам, которые были важны для Маркса и его «официальных» последователей. Я уже предпринимал попытку исследования того, как сегодняшние марксисты мыслят революцию [Павлов 2017^а], если вообще мыслят, и как они относятся к Ленину, долгое время бывшему кумиром подавляющего числа западных марксистов [Павлов 2017^б].

В этой статье я бы хотел обратиться к очередной важной для марксизма теме – утопии. Если некоторые полагают, что марксисты в целом отказались от этого понятия, то они не так уж и неправы. Далеко не всем левым интересна утопия. Однако она сохраняется в дискурсе социальной теории марксизма. Тот же Терборн в параграфе «американский футуризм» работы «От марксизма к постмарксизму?» перечисляет имена Фредрика Джеймисона, Эрика Олина Райта, Дэвида Харви, Джованни Арриги, Иммануила Валлерстайна и Сьюзен Бак-Морс [Терборн 2021, 187–194]. Терборн считает, что данные социальные теоретики продолжают развивать этот элемент (нео)марксистской мысли. Хотя сам Терборн не раз упоминает в книге, что среди марксистов есть не только философы, в итоге он не уточняет, что названные им авторы принадлежат не столько к разным течениям марксизма, сколько к разным научным направлениям – философии, исторической социологии, социологии, географии, политической экономии.

Мы предлагаем выполнить элементарную интеллектуальную процедуру, которая могла бы помочь ответить на два вопроса, возникающих в контексте анализа Терборна: во-первых, раз уж утопия сохранилась в дискурсе марксизма, то в каком именно виде, и, во-вторых, вследствие этого станет ясно, мыслят ли такие разные марксисты, как Джеймисон, Харви и др., утопию одинаково. Для этого нам придется рассмотреть всех авторов по отдельности, распределив их на две группы в зависимости от характера рассмотрения утопии – утопия в социологической теории (Эрик Олин Райт, Дэвид Харви) и утопия в теории культуры и философии (Эрнст Блох, Фредрик Джеймисон, Славой Жижек). Это не означает, что не существует других авторов, которые используют в своей теории и/или политической программе тему утопии. Они есть, и в итоге мы обратимся и к ним, чтобы ответить на вопрос, какой ракурс анализа утопии сегодня преобладает, и сделать некоторые выводы. Но предварительно необходимо решить еще одну проблему, а именно ответить на вопрос, когда и при каких обстоятельствах в марксизме XX в. утопия оказалась важной, учитывая тот факт, что сами Маркс и Энгельс строго отделяли свою социалистическую «науку» от утопического социализма.

Социолог Элвин Голднер, который предложил разделять западный марксизм на «два марксизма» (научный и критический) в книге «Два марксизма» в главе со звучным названием «Кошмар марксизма» заметил: «Внутри любой теоретической системы есть другая система, которая пытается вырваться наружу. И кошмар всякой системы в том, что эта заточенная система вырвется наружу» [Gouldner 1980, 381]. То есть, если теоретическая система не предоставляет пространство для собственных аномалий, превращаясь в догму, аномалии начинают формироваться во внутреннюю теоретическую систему. Голднер полагает, что внутри «научного социализма» Маркса и Энгельса был заложен импульс к утопии в значении милленаризма, и «кошмар марксизма» состоял в том, что в нем вырелась «иная религия угнетенных», как охарактеризовал свою философию Дьёрдь Лукач. Таким образом, произошло разделение марксистской социальной теории на два течения: один марксизм сохранил исконную «научность», а в рамках другого, согласно Голднеру, на теоретическом уровне начал развиваться утопизм, характерный для Критической теории, а на политическом уровне эти аномалии привели к маоизму.

«Аномалия» в марксизме

Точка зрения Голднера подтверждается на конкретном примере. Несмотря на то что Маркс и Энгельс отказывались детально описывать будущее коммунизма, они определенно, зарождая «аномалию» теории, «заклинали призрак» коммунизма. Очень важно, что, когда они употребили эту знаменитую фразу, они имели в виду не призрак умершего (прошлого), но, если угодно, дух, обещающий что-то идеальное (будущее). Это может быть описано как момент «утопического». Собственно, на разницу в понимании марксистской утопии указал Эрнст Блох – философ, развивавший тему утопии в марксизме. Он предложил различать утопичное (Utopistische) и утопическое (Utopische). Утопичное – абстрактно, оно лишь воображает будущее; утопическое черпает

материал извне. Социальные утопии утопичны, потому что их изобретение не опосредовано ни социальными тенденциями, ни поиском знаков будущего в наличных институтах. Сам Блох мыслил утопию как утопическое, назвав его «Еще-Не» [Блох 1997, 127–129]. Он не только отвергал экономический детерминизм научного коммунизма, но и вводил в марксизм «аномальную» тему (утопия), которая была чужда теории самих Маркса и Энгельса.

Многие социологи считают, что в «кровавом XX веке» утопия, популярная в XIX столетии, уступила место антиутопии [Урри 2018]. Разные авторы на все лады стали описывать, к чему может привести желание лучшего будущего. С этим трудно спорить, но лишь с той поправкой, что такая точка зрения подтверждается материалом художественной культуры – многочисленными романами и популярными фильмами. Однако эту позицию необходимо скорректировать. По крайней мере, некоторые марксисты считали, что Советский Союз имеет шансы реализовать альтернативный капитализму лучший мир. События 1970-х гг. развеяли эти надежды, погрузив левых в пессимизм – ни хрущевский социализм, ни маоистский коммунизм, ни еврокоммунизм не были удовлетворительными альтернативами миру капитала [Андерсон 2016]. Тем не менее некоторые марксисты оставались верными своим *надеждам* на реализацию утопии. Блох был в их числе. Превознося в 1966 г. достоинства СССР, Блох публично заявил, что отказывается жить в мире, на карте которого нет страны под названием «Утопия» [Ассман 2017, 8]. К этому стоит добавить, что Фредрик Джеймисон, обсуждая философию Блоха в книге «Археология будущего», в примечании отмечает, что исследователь утопии Том Мойлан напомнил ему, что Блох мечтал о конкретной Утопии – Советском Союзе [Jameson 2005, 3].

Безотнositельно к вере Блоха в СССР этот философ многое сделал для того, чтобы утопия в означенном выше смысле стала частью неомарксистского дискурса. Блох обращался к культуре (и философии), оставляя в стороне экономику и социологию. В своей фундаментальной работе «Принцип надежды», изданной значительно позже (три тома: 1954, 1955 и 1959 гг. соответственно), чем она была написана (1938–1947), Блох перечислял многочисленные образы мечтаний о лучшей жизни. Предлагая свою теорию Еще-Не-Осознанного, он применил свою «утопическую герменевтику» к повседневности (мода, реклама, гляцевые журналы, цирк, рынок, сказки, мебель, музеи, танец, кино, театр и т.д.). Блох описывал различные «очертания лучшего мира», анализируя живопись, оперу, поэзию, а также искал элементы утопии в философии Платона, Лейбница, Спинозы, Канта и т.д. Блох также обращался к произведениям Гёте и пьесам Шекспира, толковал Фауста и Дон Кихота и т.д.

Одним словом, в своем главном труде Блох работал с продуктами культуры. Однако философ Фредрик Джеймисон находит способ политически оправдать Блоха, замечая, что благодаря «Принципу надежды» становится ясно: «Утопия – это гораздо больше, чем сумма отдельных ее текстов. Блох постулирует утопический импульс, управляющий всем, что в жизни и культуре ориентировано на будущее, и охватывает все – от игр до патентованных лекарств, от мифов до массовых развлечений, от иконографии до технологий, от архитектуры до эроса, от туризма до юмора и бессознательного» [ibid., 2]. И все же Джеймисон признает, что толкователь утопий сам редко является автором утопии, так что «ни одна утопическая программа не носит имени Блоха» [ibid., 3]. Блох, конечно, не собирался строить собственную утопию. И главное, что он сделал для социальной теории марксизма, – сформулировал условно политическую программу утопии как надежды – надежды на то, о чем человечество *еще не знает*.

Философия надежды Блоха основывалась на идее (озарении) Еще-Не-Осознанного. Вместо того, чтобы обращаться к истории непосредственно, Блох настаивал на важности чувств и интуиций, которые он описывал с помощью упоминаемого понятия «Еще-Не» (многообразие неподлинного будущего). Метафизические конструкции Блоха непросто разобрать, однако иногда, чувствуя необходимость сказать что-то по существу, Блох приводит примеры, полностью отражающие его абстрактные рассуждения.

В частности, он предостерегал читателей от вульгарного понимания «Еще-Не», поясняя, что истинное «Еще-Не», обнаруженное им в культуре, может быть описано так: «Когда мы идем по улице и знаем, что через три четверти часа будет гостиница, – то это вульгарное Еще-Не. Однако на улице, по которой мы путешествуем в этом трудном мире, гостиница еще не построена, она должна быть воплощена в жизнь, достроена из хорошего Возможного» [Блох 1997, 237]. Политический теоретик Ян-Вернер Мюллер хорошо резюмировал эту философию: «Реальное бытие, заявлял Блох, находится не в начале, а в конце» [Мюллер 2014, 129]. Сегодня многие исследователи часто обращаются к утопии Блоха, а некоторые марксисты, не ссылаясь на него, часто определяют утопию почти так же, как ее мыслил Блох.

От «конца утопии» к концу утопии

Если для Блоха утопия была ключевой темой философствования, то другие знаменитые марксисты обращались к этому понятию по случаю. Герберт Маркузе объявил в конце 1960-х о «конце утопии». Название его эссе определенно вводит в заблуждение, потому что в самом тексте философ раскрывает тезис по-своему. Маркузе начал с того, что люди («мы») превратили мир в ад, но они также могут превратить его в рай. В таком случае наступил бы конец утопии, потому что идеи, которые используют понятие утопии, чтобы осуждать возможность социализма, были бы опровергнуты. Кроме того, конец утопии, согласно Маркузе, можно трактовать как «конец истории» (поскольку «утопия – понятие историческое»: это существующие в истории проекты изменений, считающихся невозможными), потому что новые социальные возможности нельзя считать продолжением прошлых тенденций социального развития. Следовательно Маркузе ставил вопрос так, что необходимо обсудить новое понятие социализма, который бы двигался не от утопии к науке, а от науки к утопии.

Объявляя «конец утопии», Маркузе всего лишь хотел сказать, что то, что считается утопией, следует прекратить считать таковой. Он писал, что об утопии можно говорить только тогда, «когда проект социальных изменений противоречит действительным законам природы. Только такой проект является утопическим в строгом смысле слова, то есть внеположным по отношению к истории» [Маркузе 2004, 19]. Однако другая группа проектов, невозможность которых обусловлена только отсутствием субъективных и объективных факторов, может быть названа неосуществимой лишь «временно». Иными словами, реакционные силы могли противиться революции, но это не значит, что она не могла случиться. Новый социализм для Маркузе означал новую человеческую природу, которая должна была возникнуть посредством отказа от ложных потребностей капитализма. Важно, однако, что он рассуждал прежде всего о наиболее развитых капиталистических странах, где реструктуризация неправильных потребностей «означала бы освобождение от ужасов капиталистической индустриализации и коммерциализации, полное переустройство городов и восстановление природы» [там же, 22].

Свой «утопический проект» Маркузе изложил в книге «Одномерный человек». Но важна не сама утопия Маркузе, важно то, что тема утопии интересовала первое поколение западных марксистов. При этом понимание утопии даже у тех неомарксистов, кто ориентировался на Гегеля (критический марксизм в терминологии Голднера), было разным. Гегельянец Блох считал, что настоящая утопия еще неизвестна и единственное, что можно было делать, это искать ее признаки в культуре, в то время как гегельянец Маркузе полагал, что поскольку его утопия (царство свободы) осуществима, постольку она уже не может считаться непосредственно утопией. На обоих авторов последующие марксисты, работающие с понятием «утопия», будут активно ссылаться, к чему мы вернемся позже. Здесь необходимо указать на отношения Маркузе и Блоха к СССР: если последний на протяжении жизни мыслил Советский Союз как утопию, то первый относился к СССР весьма критически. Впоследствии история рассудила авторов, показав, что Маркузе, по крайней мере, на некотором историческом промежутке был прав.

После распада Советского Союза для некоторых левых стало ясно, что альтернативы капитализму больше нет. Философ Славой Жижек назвал 1990 г. «крахом политических утопий» [Жижек 2004, 146]. Рассел Якоби – критик современного марксизма, считающий себя традиционным социалистом – также увязал распад Советского Союза с концом утопии: «Я мало что могу добавить к истории падения коммунизма. Для многих наблюдателей советский марксизм и его подделки символизировали утопический проект. Крах советского коммунизма повлек за собой конец утопии. Кто может оспорить приговор истории? Конечно, за время своего существования сталинизм породил поколения критиков, протестовавших против отождествления советской системы с эмансипацией человека. Но когда советский корабль затонул, он волей-неволей опрокинулся, как и гребные лодки несогласных, плывущих по его следу» [Jacobus 2005, 5–6].

Чтобы не было недопонимания, заметим, что, хотя Якоби и излагает точку зрения, которую разделяли многие левые, существуют альтернативные мнения на этот счет. Так, теоретик культуры Терри Иглтон в 2002 г. по-своему описал природу разочарования левых, которую также описывают как «кризис марксизма». Иглтон отметил, что на самом деле кризис левых имеет мало общего с падением коммунизма. Событиями конца 1980-х были разочарованы немногие социалисты, «поскольку, чтобы быть разочарованным чем-то, необходимо предварительно быть очарованным. Последний раз большое число людей на Западе имели иллюзии насчет Советского Союза в 1930-х гг., что довольно-таки давно» [Иглтон 2014]. Левые, считает Иглтон, были раздавлены тем, что распад СССР показал несокрушимую силу капитализма. Одним словом, вера в утопию – и в целом желание лучшего будущего – была подорвана.

Этот пессимизм нашел отражение в том, что марксисты обратились к теме постмодерна, символизировавшего в том числе «конец истории». Джеймисон, один из главных теоретиков постмодерна, описывал актуальное на конец 1980-х состояние культуры, политики и экономики как «вечное настоящее» [Джеймисон 2019, 100], в котором будущее отсутствует. Вместе с тем, на протяжении жизни Джеймисон занимался исследованием утопии, и, разумеется, трудно было ожидать, что он откажется от своего проекта. В 1993 г. он заметил, что после развала СССР в марксизме все еще сохраняются традиционные темы (например, революция) и следует пережить ужасы капитализма прежде, чем люди вновь обратятся к утопии [Джеймисон 2005], которая внушает им страх.

Возрожденные мечты: «реальные утопии»

Предсказание Джеймисона начало сбываться уже в тот момент, когда он его делал. Социолог Эрик Олин Райт был одним из первых авторов, кто стал развивать аналитический марксизм, суть которого сводилась к отказу от веры в «научные законы исторического материализма» (холизм и детерминизм), гарантировавшие наступление социализма. Вместо этого Райт предлагал рациональную аргументацию, близкую по стилистике к нормативной политической философии. В начале 1990-х гг. Эрик Олин Райт обратился к совершенно неожиданной для аналитического марксизма теме – к утопиям. Он запустил «Проект реальных утопий» – масштабное предприятие социальной инженерии будущего и формализованной нормативной экономики. Методологию своего подхода Райт изложил в небольшой статье [Райт 2007], которая является кратким изложением его многочисленных книг. Райт, как и другие аналитические марксисты, доказывает не то, что социализм неизбежен, а то, что он желателен. В этой статье мы обнаруживаем точку пересечения философско-культурного и аналитическо-социологического марксизмов. Принцип *обнаружения утопии* у Блоха и Райта очень похож: первый ищет признаки надежды в конкретном эмпирическом материале (культура), второй – в существующих социальных институтах (экономика и политика), при этом стиль аргументации у них радикально разный.

Райт пытается найти альтернативу существующему порядку, следуя пяти указаниям по предвидению (реальных) утопий: 1) оценивать возможные альтернативы капитализму в соответствии с тремя критериями – желательности, жизнеспособности

и достижимости; 2) не позволять критерию достижимости упразднить критерий жизнеспособности; 3) прояснить проблему выигрывающих и проигрывающих при проведении трансформации существующего порядка в альтернативный; 4) определить нормативные условия и издержки при осуществлении обнаруженных альтернатив; 5) анализировать «промежуточные станции» радикальных трансформаций [Райт 2007, 121–122]. Третье и четвертое условия в контексте нашего исследования наименее интересны. Здесь Райт прибегает к классической нормативной аргументации. Суть третьего указания – в том, что богатые проиграют при трансформации в любом случае, поэтому необходимо четвертое указание – иметь четкое представление о том, чего некоторые лишатся, и акцентировать внимание на нормативизме (требовать более справедливого для всех общества и рационально аргументировать эти требования). Пятое условие – хотя и важное, но все же скорее техническое. Оно предполагает, что, проводя социальные трансформации, мы должны оценивать последовательные шаги к цели. Скажем, неполное решение того или иного вопроса может не привести к желаемому результату. Первое и второе условия являются наиболее значимыми.

Три критерия альтернативы в рамках первого указания образуют своеобразную иерархию. Не все желаемые альтернативы жизнеспособны и не все жизнеспособные альтернативы достижимы. Желательность – сфера нормативной политической философии. Нормативные рассуждения помогают прояснить моральную цель возможных проектов, но ничего не говорят о конкретных институтах. Жизнеспособность – осторожное прогнозирование конкретных действий в социальной инженерии. Этот критерий касается, во-первых, теоретических моделей работы социальных институтов и, во-вторых, эмпирических исследований примеров осуществления реформ, то есть трансформаций. Достижимость – область практических политических действий. Райт отдельно обсуждает жизнеспособность в контексте второго указания, потому что проблема желательности слишком проста, а проблема достижимости – слишком сложна. Вот почему особенно важна именно жизнеспособность. Даже если «утопия» недостижима, можно привести два аргумента в пользу необходимости понимания ее жизнеспособности. Во-первых, будущее всегда неопределено, так что нам неизвестны пределы достижимости альтернатив. Во-вторых, пределы достижимости зависят от того, насколько люди убеждены в *жизнеспособности* альтернативы. Значит, «анализ жизнеспособности альтернатив существующим институтам не должен замыкаться на проблеме политической достижимости» [там же, 126]. Фактически мы видим здесь отблеск идей Маркузе, для которого *жизнеспособность* социализма нового типа означала, что это уже не утопия, в то время как для Райта это все еще утопия, но уже *реальная*.

Для того чтобы стало окончательно ясно, почему утопии Райта реальны и чем они отличаются от «традиционных» утопий, обратимся к примеру самого Эрика Олина Райта – безусловному базовому доходу. Очень важно, что Райт обсуждал эту тему гораздо раньше того, как она стала мейнстримом сегодняшней социальной теории. Базовый доход (регулярная, как правило, денежная выплата всем членам общества, независимо от их вклада в социальную жизнь) может сделать труд более гуманным – к примеру, если поощрять низкооплачиваемый труд, а также сместить баланс сил от капитала к труду. Заметим, что далеко не все левые согласны с тем, что базовый доход будет хоть как-то работать. Тем не менее для Райта это желательная альтернатива. Более того, она жизнеспособна. Так, базовый доход можно ввести за счет увеличения налога для богатых и сокращения административных расходов. Вместе с тем, если он будет недостаточным, то он не приведет к желаемым альтернативам: жизнеспособный проект окажется недостижимым.

Возможно, есть более удачный пример реальной утопии. Райт отстаивал идею социализма, в центре которого находились бы не экономика и государство, а коллективная самоорганизация общества. Поэтому он не считал большевизм истинным социализмом, называя его этатизмом. С точки зрения Райта, к концу 1920-х гг. большевизм стал симбиозом централизованного планирования и насильственной коллективизации

сельского хозяйства. Но при этом в его недрах в итоге возникла социальная оппозиция «реальных утопий» – стремление к демократическому социализму. Например, самоорганизация польской «Солидарности», система фабрично-заводских советов Венгерской революции и коллективная мобилизация гражданского общества в период перестройки Советского Союза.

Пространства (и время) надежды

В главе об «американском футуризме» Терборн также упоминает теоретиков постмодерна Фредрика Джеймисона, книгу которого мы не раз цитировали, и Дэвида Харви [Терборн 2021, 193]. Харви попытался найти выход из «вечного настоящего» постмодерна посредством концептуализации утопии. Однако утопия была лишь финальной целью его сложной теоретической конструкции. В книге «Пространства надежды» Харви вернулся к своему подходу – историко-географическому материализму, основы которого он изложил в «Состоянии постмодерна» [Харви 2021, 558–565]. Харви расширял исторический материализм, показывая, как «Манифест коммунистической партии» можно использовать для анализа географического пространства. Но это была методология. Далее Харви делал главное – связывал два, казалось бы, не сводимых к друг к другу академических и политических дискурса – глобализацию и тело.

В отношении первой Харви сказал, что левые слишком быстро, с радостью ухватились за эту концепцию, но проблема была в том, что за ней стоял обычный империализм. Поскольку глобализация – это буквально социально-пространственные отношения между миллиардами людей, в данном случае речь могла идти и о телах этих людей. Одним словом, «тело нельзя понять теоретически или эмпирически вне понимания глобализации» [Harvey 2000, 15]. Показывая, к чему приводит глобализация, Харви ожидаемо обратился к критике разрушения городской среды на примере Балтимора, где он жил и работал долгое время. Часто упоминая тэтчеровский лозунг «Альтернативы нет», который стал рефреном книги, Харви отмечал, что, вероятно, ответом на процессы, ставшие следствием «глобализации», может стать возвращение утопического воображения. Но даже если это и так, то можно ли черпать вдохновение в существующих утопиях? Харви упоминает Блоха, утверждая, что без надежды альтернативная политика становится невозможной. Но даст ли возрождение утопической традиции возможность осмыслить реальные альтернативы? [ibid., 96]

Обращаясь к традиции, Харви критикует два типа утопии – утопию пространственной формы и утопию как темпоральный процесс. Проблема первой состоит в том, что она изображает возможность окончательного утопического состояния, не признавая при этом авторитарного характера социальной инженерии. Вторая не обращает внимания на то, что «утопические процессы» должны проходить на основе реальных институтов. Ответом на это может стать «диалектический утопизм», объединяющий утопию пространственной формы и процессуальных утопий [Sheppard 2006, 131]. Поэтому «диалектический утопизм» – новый вид утопической мысли, благодаря которому мы могли бы переключить внимание на то, чтобы воображать варианты справедливого мира. «Тогда задача состоит в том, чтобы определить альтернативу, но не в терминах какой-то статической пространственной формы или даже некоего усовершенствованного процесса освобождения. Задача состоит в том, чтобы собрать воедино пространственно-временной утопизм – диалектический утопизм, – который коренится в наших нынешних возможностях и в то же время указывает на разные траектории неравномерного географического развития человечества» [Harvey 2000, 196].

Все эти размышления приводят Харви к тому, что в приложении к книге он предлагает собственный утопический проект под названием «Эдилия». Эта утопия – послереволюционный мир, возглавляемый «матерями тех, кому еще предстоит родиться» «в союзе с учеными, интеллектуалами, духовными мыслителями и художниками, освободившимися от смертоносного политического и идеологического подчинения классовой власти и военно-теократическому авторитету» [ibid., 263]. Иными словами,

Харви сам вообразил мир, в котором он может окончательно признать ничтожность капитализма. Это было по истине революционным вкладом марксиста в социальную теорию. Социолог Джордж Ритцер комментирует, что именно Харви подразумевает под «пространствами надежды». Во-первых, Харви противостоит тому, что он считает повсеместным пессимизмом среди современных ученых. Во-вторых, он признает существование «пространств политической борьбы» в обществе и, следовательно, надежды. Наконец, он описывает утопическое пространство будущего, которое дает надежду тем, кто обеспокоен угнетением сегодняшних пространств [Ritzer 2010, 317].

У Фредрика Джеймисона было другое решение проблемы. Утопия, как и в случае с остальными радикальными теоретиками, была для него возможностью преодолеть «вечное настоящее». В момент крушения Советского Союза Джеймисон развенчал доминирующий в философской мысли страх утопического мышления, которое якобы было опасным и вело к сталинским лагерям и т.п. Причину «страха утопии» Джеймисон объяснял тем, что социальная фантазия о радикально ином обществе философски была тесно связана с личными иллюзиями, разоблачаемыми экзистенциальной критикой. Эта мнимая связь должна была быть разорвана, потому что утопия не обязана инвестироваться теми или иными желаниями, так как политические стремления к преобразованию социальной системы являются куда более сложными, чем конкретно существующее общество [Джеймисон 2019, 660]. К позитивному анализу утопии Джеймисон вернулся в книге «Археология будущего» [Jameson 2005], которую мы цитировали в контексте разговора о Блохе. В этой работе Джеймисон, однако, анализирует утопию в многочисленных произведениях культуры и прежде всего в научной фантастике.

«При ожидании появления новых форм политической агентности “здесь нет никакой альтернативы утопии”, как это выразил Фредрик Джеймисон, анализируя утопическую фантазию и утопическое письмо со всей своей критической гениальностью, эрудицией и галактического масштаба набором ассоциаций» [Терборн 2021, 188]. Однако в книге практически отсутствует политическая программа. Джеймисон в самом деле отмечает, что утопия выступает важнейшей политической функцией, потому «что она принуждает нас именно к тому, чтобы концентрироваться на разрыве: размышлении о невозможном, о нереализуемом в своем праве» [Jameson 2005, 232]. Но не более того. Оригинальный взгляд на утопию, имеющий политические импликации, философ предложил в другом тексте – «Политика утопии», вывод которого состоял в том, что «утопии не являются вымыслом, хотя в реальности их и не существует. На деле утопии приходят к нам как едва слышимые послания из будущего, которое, быть может, никогда и не станет реальностью» [Джеймисон 2011].

Заключение

Можно сделать вывод, что утопия не просто была, но и все еще является важнейшим понятием социально-философской мысли новейших марксистов. Многие левые не просто мыслят утопию как ключевую категорию марксистской социальной философии, но и напрямую называют свои проекты утопиями. Так, философ Филипп Ван Парайс считает свою концепцию базового дохода утопией, но скорее понимает последнюю в русле Эрика Олина Райта [Ван Парайс, Вандерборхт 2020, 400–402]. Но если такие мыслители, как Райт, сделали утопию непосредственно предметом социологии, Ван Парайс и другие авторы обращаются к ней по случаю. Например, в многочисленных книгах философа Славоя Жижека можно найти размышления на любую тему. Разумеется, он высказывался и об утопии. В работе «Ирак: история про чайник» Жижек отмечает, что утопия на самом деле определяется не через представления об идеальном (и недостижимом обществе), а через конструирование социального пространства, выходящего за пределы возможного, и поэтому «утопическое» – «это жест, который изменяет координаты возможного» [Жижек 2004, 146]. Такой вид утопии противопоставляется Жижеком: 1) классическим политическим утопиям (например, «Утопии»

Томаса Мора) и 2) утопическим практикам капитализма (скажем, «товарам, вызывающим утопические удовольствия»). И хотя Жижек не привносит в понимание утопии, как ее определил Блох, ничего нового, важно то, что он мыслит в общей парадигме актуального марксизма.

Но что с Советским Союзом, который, как мы видели, был для многих марксистов реализацией утопии или, напротив, ее дискредитацией? Французский марксист Мишель Абенсур, который пишет об утопиях систематически, настаивает, что между утопией и советским «тоталитаризмом» нет никакой внутренней связи. Тоталитарное господство большевизма, с точки зрения Абенсура, строилось на том, что подавляло утопические устремления, благодаря которым стала возможна Русская революция. Увязывать тоталитаризм и утопию в итоге стали потому, что приравнивали утопию к фантазиям об идеальном обществе [Poitier 2018]. Поразительно, но даже здесь среди радикальных социальных теоретиков нет консенсуса. Так, молодые левые Ник Срничек и Алекс Уильямс считают, что лозунги Советского Союза освоить космос и полностью автоматизировать экономику были не просто взнесенными фантазиями, но такими, которые оказывали влияние на жизнь людей. Они также отмечают, что, хотя при Сталине «утопические замыслы были загнаны в подполье», в 1950-е гг. они вернулись, когда стали возможны «величайшие замыслы советского эксперимента», например, запуск спутника в космос [Срничек, Уильямс 2019, 199–206]. Однако сегодня, считают авторы, пространство надежды оккупировано циническим здравым смыслом. Срничек и Уильямс не говорят ничего нового с точки зрения концептуального наполнения термина «утопия», пересказывая тезисы Райта, Харви, Джеймисона и др. Единственное, что стоит отметить, это их желание связать свой проект посткапитализма с утопией, определяемой через «гиперверие».

Итак, мы можем ответить на вопросы, поставленные в самом начале текста. Очевидно, что марксисты, состоявшиеся в разных областях научного знания, понимают утопию неодинаково. Можно заключить, что марксисты мыслят утопию в двух разных регистрах, в зависимости от дисциплины, в которой они работают. Почти все философы и теоретики культуры представляют утопию не как «готовый план», но как горизонт надежды, выходящий за пределы возможного (Эрнст Блох, Фредрик Джеймисон, Славой Жижек и др.). Социологи рассматривают утопию конкретно – как альтернативу, возможности которой можно разглядеть в реальности (Эрик Олин Райт, Дэвид Харви и, можно сказать, Герберт Маркузе, который провозгласил конец утопии, полагая, что надежды на социализм нельзя считать мечтами). Деление же марксизма на научный и критический (предполагающий утопию), предложенное Голднером, с 1970-х гг. перестало работать, потому что в итоге «ученые марксисты» сделали утопию предметом своего анализа. При этом разные мыслители по-разному относились к опыту СССР – как к реализуемой утопии (Блох, Срничек и Уильямс) или же как к ее дискредитации (Якоби, Абенсур). Заметим также, что, хотя многие из упоминаемых авторов, писавших об утопии в конце XX и начале XXI столетий, скончались (Райт), а другие работают уже слишком давно (Джеймисон, Харви), некоторые молодые социальные теоретики (Срничек, Уильямс) продолжают мечтать об утопии. Если выбирать среди марксистов наиболее востребованное понимание утопии, то скорее это будет представление о горизонте надежды. Как это выразил французский марксист Даниэль Бенсайд, «что касается утопии, то она сохраняется ценой различных тонких изменений – не как некое произвольное изобретение будущего, но как проект, продвигающийся к горизонту будущего. Огненные перед нами стоит не какой-то город будущего или же лучший мир, но логика эмансипации, коренящаяся в конфликте» [Bensaïd 2002, 17].

Источники – Primary Sources and Translations

- Блох 1997 – Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997 (Bloch, Ernst, *Tübinger Einleitung in die Philosophie*, Russian Translation).
- Джеймисон 2019 – Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019 (Jameson, Fredric, *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*, Russian Translation).
- Джеймисон 2011 – Джеймисон Ф. Политика утопии // Художественный журнал. 2011. № 84. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/13/article/173> (Jameson, Fredric, *The Politics of Utopia*, Russian Translation).
- Джеймисон 2005 – Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3 (48). С. 208–246 (Jameson, Fredric, *Actually Existing Marxism*, Russian Translation).
- Жижек 2004 – Жижек С. Ирак: история про чайник. М.: Праксис, 2004 (Žižek, Slavoj, *Iraq: The Borrowed Kettle*, Russian Translation).
- Маркузе 2004 – Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 18–23 (Marcuse, Herbert, *The End of Utopia*, Russian Translation).
- Харви 2021 – Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021 (Harvey, David, *The Condition of Postmodernity*, Russian Translation).
- Harvey, David (2000) *Spaces of Hope*, Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Jameson, Fredric (2005) *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and other Science Fictions*, Verso, London.

Ссылки – References in Russian

- Андерсон 2016 – Андерсон П. На путях исторического материализма // Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма / Пер. с англ. М.: Common Place, 2016. С. 200–304.
- Ассман 2017 – Ассман А. Распалась связь времен. Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б.М. Хлебникова: Новое литературное обозрение, 2017.
- Ван Парайс, Вандерборхт 2020 – Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики / Пер. с англ. А.М. Гусева: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Иглтон 2014 – Иглтон Т. Убежище в буре истории / Пер. с англ. URL: https://scepsis.net/library/id_1664.html
- Мюллер 2014 – Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. А.М. Яковлева: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Павлов 2017^a – Павлов А.В. Мечтают ли западные марксисты о революции сегодня? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 4. С. 466–478.
- Павлов 2017^b – Павлов А.В. Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 21–34.
- Райт 2007 – Райт Э.О. Общие указания по предвидению реальных утопий / Пер. с англ. // Прогнозис. 2007. № 4. С. 120–132.
- Срничек, Уильямс 2019 – Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2019.
- Терборн 2021 – Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н.М. Афанасова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Урри 2018 – Урри Дж. Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А.М. Матвеевко. М.: Дело, 2018.

References

- Anderson, Perry (2016) *In the Tracks of Historical Materialism*, Common Place, Moscow (Russian Translation).
- Assman, Aleida (2017) *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*, New Literary Observer, Moscow (Russian Translation).
- Bensaid, Daniel (2002) *Marx for Our Times: Adventures and Misadventures of a Critique*, Verso, London.
- Eagleton, Terry (2014) “A Shelter in the Tempest of History”, *Scepsis*, URL: https://scepsis.net/library/id_1664.html (Russian Translation).
- Gouldner, Alvin W. (1980) *The Two Marxisms. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*, Macmillan & Co., London.

Jacoby, Russell (2005) *Picture Imperfect: Utopian Thought for an Anti-Utopian Age*, Columbia University Press, New York.

Müller, Jan-Werner (2014) *Contesting Democracy: Political Ideas in Twentieth-Century Europe*, Gaidar Institute Press, Moscow (Russian Translation).

Pavlov, Alexander V. (2017^a) “Do Western Marxists Dream of a Revolution Today?”, *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhyby Narodov*, Vol. 21 (4), pp. 466–478 (in Russian).

Pavlov, Alexander V. (2017^b) ‘The Renaissance of Lenin’s Ideas in “Western Marxism”: The Case of Slavoj Žižek’, *Essays on Conservatism*, Vol. 2, pp. 21–34 (in Russian).

Poirier, Nicolas (2018) “Miguel Abensour: Emancipation through Utopia”, *Books&Ideas*, URL: <https://booksandideas.net/Miguel-Abensour-Emancipation-through-Utopia.html>

Ritzer, George (2010) *Sociological Theory*, McGraw-Hill, New York.

Sheppard, Eric (2006) David Harvey and Dialectical Space-time, Castree, Noel, Gregory, Derek, eds., *David Harvey. A Critical Reader*, Wiley-Blackwell, Malden – Oxford – Carlton, pp. 121–141.

Srnicek, Nick, Williams, Alex (2019) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*, Strelka Press, Moscow (Russian Translation).

Therborn, Göran (2021) *From Marxism to Post-Marxism?* Higher School of Economics Publ., Moscow (Russian Translation).

Urry, John (2018) *What is the Future?* Delo, Moscow (Russian Translation).

Van Parijs, Philippe, Vanderborght, Yannick (2020) *Basic Income: Proposal for a Free Society and a Sane Economy*, Higher School of Economics Publ., Moscow (Russian Translation).

Wright, Erik O. (2007) “Guidelines for Envisioning Real Utopias”, *Prognosis*, Vol. 3, pp. 120–132 (Russian Translation).

Сведения об авторе

ПАВЛОВ Александр Владимирович –

доктор философских наук, профессор
Школы философии и культурологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; ведущий научный
сотрудник, руководитель сектора социальной
философии Института философии РАН.

Author’s Information

PAVLOV Alexander V. –

DSc in Philosophy, Professor at the School
of Philosophy and Cultural Studies,
National Research University Higher School
of Economics; Leading Researcher,
Head of the Social Philosophy Department,
Institute of Philosophy, Russian Academy
of Sciences.